



АРХИТЕКТУРА АЛМАТЫ И ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 72.036

Халима Труспекова
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры Истории и теории
изобразительного искусства
Казахской национальной академии
искусств им. Т. Жургенова, Казахстан,
Алматы.
E-mail: Khalima.17@mail.ru.

АРХИТЕКТУРА АЛМАТЫ И ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

Урбанизированная среда – вектор развития современной жизни общества в целом. Человек все больше уходит из мира природы в мир собственных творений, а среда – основной фактор его формирования во всех отношениях. Идентификация и отдельной личности, и народа строится во многом из ее исходных позиций.

В данном случае архитектурный облик города Алматы сыграл большую роль в перекодировке сознания казахской нации.

Если история существования города сегодня составляет тысячелетие, то история развития архитектуры отсчитывается со второй половины XX в. За полтора века Алматы вобрал в себя все признаки времени, в полной мере отразил как ситуацию «больших скачков» в пространстве и во времени, так и амбиции руководства страны – по архитектуре города можно проследить достоинства и недостатки в современном строительстве.

В тексте статьи рассматривается архитектурный образ города в разные периоды его истории, поднимается проблема традиций в зодчестве, прослеживается общий вектор изменений городской среды, влияющий на эмоционально-интеллектуальное состояние человека.

Ключевые слова: архитектура, традиции, казахское, Алматы, идентичность.

В истории развития человечества два последних столетия ознаменовались небывалым ростом городского населения, в целом урбанизм – один из признаков индустриализации – на данный момент носит глобальный

характер. И это находит отражение в перестройке сознания огромного количества людей по всему земному шару. В свою очередь влияние среды на формирование ментальных свойств сознания, личностных качеств человека

и общества в целом известно, поэтому вопрос в центре внимания многих направлений современной науки. В том числе и само место на географической карте земли, и степень влияния урбанизированной среды являлись предметом отдельных исследований еще в XIX в. Например, в гештальтпсихологии, оказавшей впоследствии значительное влияние на развитие теории архитектуры XX в. С незапамятных времен люди знали о влиянии архитектурного образа на эмоционально-интеллектуальное состояние человека [1].

Известно также, что городские типы поселений возникают на высокой стадии развития социума, а ее история в пределах Казахстана, особенно средневековый пласт культуры, дает весьма богатый материал. Впрочем, в наших условиях мы можем проследить лишь поздний период, когда в XVIII–XIX вв. началась урбанизация казахстанских земель на базе строительства военных укреплений царской России. В этой связи история архитектуры Алматы отсчитывается только на протяжении последних 160 лет, с того момента, как была основана крепость Верный (1854 г.).

Однако уже в советские времена историками ставился вопрос о существовании здесь городского поселения в период раннего Средневековья, что явно неслучайно. Природа отрогов Заилийского Алатау уникальна и благодатна, несмотря на угрозы землетрясений. Поэтому человек давно обжил эти места, а сакские курганы в округе – яркое свидетельство глубокой истории региона. Но следы средневековых поселений скрылись вследствие строительного бума русско-советского периодов. К сожалению, даже культурный пласт, созданный за

небольшой отрезок времени в 160 лет, сохранился в весьма ограниченном, почти фрагментарном виде. Облик города стремительно менялся на протяжении всего советского и постсоветского периодов.

Значение Алматы в развитии культуры республики огромно. Как и другие города Казахстана он стал стартовым пунктом общей вестернизации всего населения. А оно к моменту строительства уже представляло собой достаточно пеструю картину: наряду с русскими и славянскими переселенцами активно осваивали регион татары и дунгане (переселенцы из Китая). Очередное «великое переселение народов» являло собой реализацию российской политики по освоению дальних окраин империи.

При строительстве Верного прослеживается территориальная «изоляция» по национальному признаку в виде традиционных форм слобод (татарская, дунганская, хохлацкая), но общая торговая площадь всегда была местом культурных контактов и «работала» на объединение разных этнических групп в одно общество.

В стилистическом решении архитектура Верного, как известно, представляла собой в большей степени русский ампир, русскую версию модерна. И если форма традиционного жилища в странах Средней Азии (ныне Центральной Азии) внешне представляла собой в большинстве случаев полностью замкнутое пространство, то этот тип архитектуры был новым для местного населения. Он уже вносил европейские традиции, правда, в преломлении через русский опыт его трактовки. А среди архитекторов, кроме хорошо известного П. Зенкова, много и плодотворно работал, к примеру, француз по происхождению Поль Базиль (Павел

Васильевич) Гурде. С 1883 по 1903 гг. он был главным архитектором города [2].

Таким образом, конец XIX – начало XX в. стали для Верного временем вторжения культурных достижений Европы в пространство восточного мира. Здесь национальные традиции восточных народов подверглись вестернизации в более широком формате, чем во всех других республиках Средней Азии. Городская среда изменила облик региона уже в тот момент, но жилища большинства этнических казахов представляли собой совсем иное зрелище.

Конечно, номады были знакомы с архитектурными традициями русского зодчества, хотя бы на примерах Омска, Томска или Оренбурга. Знали и традиции деревянного строительства (причем издревле, что доказывают захоронения сакских времен). Тем не менее именно данный период внес очень серьезные изменения в традиционную культуру казахов, так как трансформировалось все пространство Семиречья. Всем известна мобильная форма юрты – она совершенна с конструктивной и эстетической точки зрения. Но на зимовках, помимо нее, могли использовать и стационарные типы жилищ. На рубеже XIX–XX вв. они представляли собой (и сохранялись очень длительное время) крайне невыразительное зрелище. Большая часть земли отводилась под «қора» (подворье, загон для скота), в то время как жилое пространство, то есть собственно «үй» (дом), было весьма небольшим и «пряталось» в глубине общей ограды. Этот феномен нашел отражение в одной из частей диссертационной работы Л. Тургамбаевой.

В условиях ограниченного городского пространства такая система была важна для казахов: не имея возможности вести образ жизни истинных кочевников, они по-прежнему оставались скотоводами. Правда, сказанное не относится к оседлым казахам, а их было достаточно именно в южных регионах страны. Подобная ситуация наблюдалась в пределах республики в целом (зажиточные люди имели каменные и деревянные дома).

Изменения архитектурного облика Верного – это более массивное вторжение в сознание прежде всего местного населения. Естествоиспытатель Альберт фон Регель в 1876 г. записал в своем дневнике, что город «устроен правильно, с вполне европейскими домами...» [3].

Но данное замечание сделано еще до катастрофических землетрясений, в результате которых пострадали каменные сооружения. После таких потрясений архитектурный облик города стал более скромным – велось только деревянное строительство. Однако именно в нем использовались богатые традиции декоративной резьбы (карнизы, наличники окон), что придавало строениям нарядный и привлекательный вид.

О национальных особенностях в стилистическом решении архитектурных форм говорить сложно, так как стремления к интеграции с восточными традициями не наблюдалось. Тем не менее они, конечно, присутствовали, правда, преимущественно в деталях декора и особенностях строительства культовых объектов.

В данном случае надо отметить, что при возведении мусульманских мечетей, медресе и других построек не возбранялось использовать

стилистические принципы самых разных регионов мира. Как известно, мировая историография относит исламскую архитектуру Средней Азии к персидскому стилевому направлению. Однако и китайская архитектурная традиция также присутствовала в строительстве храмов в Киргизии и Казахстане (Жаркентская мечеть). Иницировала возведение этих сооружений мусульманская часть населения города Верного (татары, дунгане, уйгуры). И, судя по сохранившейся фотографии, татарская мечеть в Верном строилась в том же русле, что и все остальные объекты.

Элементы татарской культуры присутствовали в декоративном убранстве архитектуры, даже если проектировал и строил их иноверец, как, например, П. Гурде, известный своей приверженностью стилистике модерна с его русским «акцентом». Пример этого можно увидеть в сохранившемся торговом доме купца Габдулвалиева (ныне магазин "Кызыл Тан"). Данный период примечателен для нас тем, что в отличие от остального населения номады вынуждены были встраиваться в это новое для них средовое пространство. Если восточное устройство городской среды им было хорошо знакомо, то эта среда отличалась своей строго линейной организацией и открытостью.

Следующий период в истории строительства города связан с советской эпохой. Со второй половины 30-х годов XX в. начинается бурный подъем и большие перемены в застройке и перестройке Алма-Аты; статус города как столицы республики стал отправной точкой в динамике его развития. Большая армия русско-советских архитекторов принимает активное участие в решении поставленных задач по очередному освоению пространства

восточного региона в целом.

С одной стороны, отмечается широкомасштабное вторжение новых веяний в зодчестве, таких как конструктивизм и функционализм. С другой – наблюдается обращение к традициям. В результате появляются примеры конструктивизма в Казахстане в виде творений М. Гинсбурга и Г. Герасимова (Дом совнаркома, Главпочтамт). Этот отрезок времени был достаточно коротким, однако он вместил в себя опыт авангардных трансформаций сознания в мировой архитектуре, в которой русско-советские мастера зодчества входили в число лидеров.

Новая авангардная архитектура начала XX в. ознаменована признаками интернационализма, противостоящего национальной культурной идентичности. Очень скоро этот вопрос вновь будет в центре внимания и в мировом пространстве и, тем более, в стране Советов.

В конце 1930-х годов изменяется вектор политической ситуации в СССР, и перед архитекторами, как и перед всей интеллигенцией страны, ставятся новые задачи: поворот к народным традициям, то есть использование старых культурных кодов сознания в борьбе с опасной для власти свободой творческой мысли. В этой связи во всех видах искусства активно муссируются вопросы национального своеобразия, но при этом они же подвергаются строгой цензуре.

Как известно, утверждая постулат о так называемом методе социалистического реализма, государственный аппарат стремился к тотальному контролю всех форм бытия, и вместе с тем он же был заинтересован в демонстрации

достижений страны, строящей «светлое коммунистическое будущее». Многие объекты гражданского, общественно-административного, культурного назначения возводятся в форме монументальных комплексов. Поставленные цели быстрее всего достигаются в давно уже апробированном стилистическом решении – неоклассицизме.

В истории человечества своеобразная реинкарнация этого стиливого направления возникала в периоды автократии, тоталитарных режимов, когда власть ставила целью прославление своих деяний. Например, французский или русский ампиры. С конца 30-х годов XX в. такое же направление берет и советская архитектура, в историю оно вошло под термином «сталинский ампир». Его следы мы и встречаем в архитектурном облике Алма-Аты того периода.

Одним из привлекательных моментов данного стилистического явления в зодчестве является его линейная ясность, упорядоченность всех доминант и остальных объектов в ансамбле. В таком пространстве легко ориентироваться, и оно воспринимается органично по отношению к сложным лабиринтам средневековых городских улиц (то, что когда-то проделал барон Жорж Эжен Осман (Хауссманн) в реконструкции Парижа XIX в.).

Неоклассицизм стал одним из опознавательных признаков строительства послевоенных лет. Образ Алматы все более и более приближался к европейским аналогам. Данному времени мы обязаны созданием нескольких ансамблей, хотя почти все проекты внедрялись с большими поправками (например, целый комплекс сооружений должен был окружать

здание Академии наук республики).

И, как сказано, национальное своеобразие в советской архитектуре (в Алматы в частности) – одна из ключевых проблем времени. Вообще эта проблема, можно сказать, с переменным успехом возникает и вновь «тонет» под «непосильной ношей» целесообразности, модных течений и требований идеологии всего XX в.

В данной связи интересен пример проектных разработок А. В. Щусева здания Академии наук Казахстана. В первом варианте архитектор использовал портално-купольную форму среднеазиатской культовой архитектуры с выделениями углов тонкими, стройными вертикальными колоннами (что также отличает восточные принципы). Однако окончательный вариант приобрел формы, отвечающие требованиям сталинского монументализма. В итоге мы имеем торжество величественного парадного образа, столь органично вписанное в окружающую городскую среду с комплексом фонтанов и скульптурой Ч. Валиханова. Масштабно он доминирует и царствует в своем ареале.

Национальные признаки в образной трактовке здания Академии наук «вписаны» в классическую ткань архитектурной формы. Так, геометричность, свойственная архитектуре Средней Азии, доведена здесь до строгой простоты и предельно линейна. Композиционный акцент сделан на главный фасад, решенный с элементами восточной архитектуры: портал с неглубокой нишей в форме круглой стрельчатой арки и орнаментальным декором. Во всем строгая мера и величественность. В целом архитектурный образ здания

не изобилует «декоративными излишествами». Традиционный казахский орнамент использован очень органично и без отмеченных излишеств: в верхней части карнизов, на капителях пилястр, в обрамлении оконных проемов.

Торжественность фасадов находит свое логическое продолжение в архитектуре интерьеров – главный вестибюль являет собой столь же торжественные и монументальные формы.

Постройки в духе классицизма с фронтонами, многоколонными портиками, богатыми карнизами стали украшением городской среды Алма-Аты. Именно они оказались доминантами городского пространства, и в сознании всего населения являлись его идентификационными признаками. С 50-х годов XX в. был создан основной фонд архитектуры общественного и культурного назначений. Возведен Центральный стадион, драматический театр им. М. Ауэзова (ТЮЗ), старая площадь (ныне площадь Астаны) с монументальной архитектурой Дома правительства (второго по счету) и многие другие объекты. Эта архитектура воспринималась населением как достижение социализма – Алма-Ата на глазах превращалась из заштатного городка Верного в столицу республики.

С этого момента, можно сказать, происходит окончательная вестернизация среды и ведется отсчет адаптационного периода для всех восточных народов города, особенно для коренного населения. Архитектурные сооружения, выполненные в стилистике античного ордера, стали восприниматься как образец величия деяний человека-созидателя «будущего коммунизма».

К тому же средствами ландшафтной

архитектуры осуществлены очень глубокие и серьезные достижения по адаптации пространства города к населению по многим аспектам.

Сады и парки города, заложенные еще в основе строительства Верного, воспринимались жителями как рукотворная благодать. Все архитектурные ансамбли 40–60 годов XX в. проектировались в единстве с ландшафтной архитектурой. И именно она создавала тот культурный ареал, в котором можно было наблюдать пересечения с традициями мусульманского принципа восприятия среды. Хотя, конечно, «Восточные сады имели планировочные особенности, определенные растительные формы и их сочетания, типы декоративного мощения, садового оборудования» [4].

В данном случае мы имеем в виду особое эстетическое значение сада в странах мусульманского Востока. Это один из признаков не просто комфортного микроклимата для жизни и отдыха, это образ божественного миропорядка, что даруется человеку в раю. Ведь, несмотря на активное искоренение всех форм религиозного мышления советской властью, в сознании мусульманских общин сохранялись ключевые представления и понятия, тем более что долгое время все религиозные праздники существовали неофициально.

В исламе сам образ рая ассоциировался с образом сада (по-арабски джаннат – «жұмақ», по-казахски – это образ Эдема, сада из которого был изгнан первый человек). Из истории мировой архитектуры известно, что собой представляли величественные сооружения Альгамбры в Гранаде, Алькасар в Севилье, или комплекс Тадж-Махал

в Индии. В основе композиционного решения архитектурных ансамблей – мусульманское толкование символа райского места с изобилием воды и садов.

Генетические коды сознания жителей Алматы, уходящие в основу религиозных доктрин ислама, также создавали условия для восприятия сложившейся архитектурно-пространственной среды с ее скверами, садами, парками и фонтанами, как райского места. И все это благодаря тому, что масштабы доминант и частей общего целого городской застройки являли собой гармоничное единство.

Этот период советской истории страны и города, можно сказать, стал ключевым в осознании казахами своей включенности в новое урбанизованное средовое пространство. Горожане гордились своим тенистым, уютным, солнечным городом. Появилось понятие «асфальтные казахи», уже не было разницы между представителями разных этнических групп. А молодое поколение всецело выросло в этом пространстве и идентифицировало его как собственно «свой мир», у каждого образовались свои культовые места, где любили собираться и стар, и млад.

Следует отметить, что не случайно именно античная ордерная система, лежащая в основе классицизма, явилась органичным связующим началом для столь быстрого признания среди всего населения горожан. Сама стилистика греко-римского архитектурного опыта корнями связана с семантикой алтарных образов древнего мира (исследования Л. П. Павлова), поэтому на глубоком генном уровне, в подсознании она сохранена в

памяти всех народов Евразии, она им «знакома». Признать ее как гармоничную форму позволяет и вся история развития этой архитектурной системы, прошедшей «апробацию» временем на протяжении почти трех тысячелетий. Прежде всего, она соразмерна человеку. В ней уже были найдены возможные способы гармонизации, она получила почти такое же состояние в своем развитии, как и лаконичная отточенность казахского национального орнаментального ряда, где народное художественное чутье за долгие века коллективной практики довело его формы до совершенства. Примерно то же самое наблюдается и в данном случае. И, как только появлялись объекты классической архитектуры в пространстве города, они признавались «приятными для глаз красивыми сооружениями». Иначе дело будет обстоять в последующем, с другими стилевыми направлениями в архитектуре. Здесь критики со стороны горожан будет больше. Правда, советская система проектирования привела и к перекосам, сконцентрировав не только общественные административно-деловые, но культурные объекты в центре и ограничив возможности культурного досуга для населения на окраинах города.

Дальнейшая эволюция активной застройки Алматы связана уже с именем Д. Кунаева. 70-80-е годы XX в. – время возведения столь же масштабных, часто столь же помпезных, но с иной стилистической трактовкой объектов.

Принятие государством программных документов «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства», «О развитии производства сборных железобетонных конструкций

и деталей для строительства», «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (еще от 1955 г.) привели к пересмотру всего комплекса архитектурно–планировочных задач. Принцип функционализма сохраняется, а пластическая выразительность архитектуры зависит от конструктивных инноваций в строительстве. В целом развитие пространственных конструкций создало условия для новых возможностей формообразования в зодчестве. [5]

Одним из наиболее показательных примеров является Дворец имени В. Ленина в Алматы (Н. Репинский, Ю. Ратушный, Л. Ухоботов, В. Ким, В. Алле, 1970 г.): «Основа структуры – восемь железобетонных пилонов с лестницами внутри них, на которых покоится гигантская плита площадью 10 тыс. м², пластически обработанная снизу золотистой «чешуей». Между пилонами – железобетонный каркас ограждения на самостоятельных колоннах. Оригинальные формы с крупным масштабом и богатой пластикой деталей в сочетании с нависающим над центральным входом золотистым «шатром» создают самобытную и торжественную композицию» [6, стр. 240].

Таким образом, в архитектуре позднего советского периода стремление к «самобытности», «оригинальности» решения композиции реализуется средствами конструкций и технологий. В данном случае особенность образного решения архитектуры Алматы позднесоветского периода – общий восточноазиатский колорит, хотя в стилистике многих объектов по-прежнему можно

наблюдать синтез и напластования разных культур. Именно в данный период архитектура в большей степени соответствует духу самой восточной культуры. Правда, почти всегда в советские времена, стремясь соответствовать национальным признакам в архитектуре, использовали в первую очередь принципы культовой архитектуры, форму юрты и орнамент.

В целом распространенные в мировой практике купольные сооружения впервые возникли на просторах евразийских степей (такая доктрина утверждается многими исследователями, такими как Б. Глаудинов, Л. Рахимжанова и др.). Портально-купольные типы решения фасадов также из глубин восточной культовой архитектурной традиции. Их использование мы и встречаем в архитектуре республики 70–80-х годов. Однако «первоисточники» – лишь отправная точка для их новой интерпретации, переосмысления и трансформации в новом образном выражении. Например, использование классических сталактитов в качестве декора фасада здания аппаратно-студийного комплекса по улице Желтоксан и Тимирязева (архитекторы – А. И. Коржемпо, Н. В. Эзау, В. Л. Панин; конструкторы – С. И. Каламкаров, В. М. Исмаилов, А. И. Федорчук).

Дворец, комплекс Коктобе с телебашней, 25-этажное здание гостиницы "Казахстан" и комплекс "Медео" стали идентификационными признаками Алматы, быстро превратились в места отдыха и пункты для обязательного посещения приезжих. За строительство Дворца им. В. Ленина, комплекса "Медео" (архитекторы – В. З. Кацев, А. С. Кайнарбаев, И. Г. Косоков; конструкторы – С. Б. Матвеев,

М. В. Плахотников, Ш. М. Челидзе и др.) и далее за архитектурный комплекс площади Республики – тогда площади Л. Брежнева – (К. Ж. Монтахов, С. Р. Сейдалин, А. Капанов, М. Павлов и др.) архитекторы были удостоены государственных премий СССР.

Несмотря на многочисленные достижения, городская среда не была одинаково привлекательна с точки зрения эстетики. Известно, что большие расстояния и пустоты в ней не очень хорошо воспринимаются человеком и «не создают» органической связи целого. В данном случае так называемая «смена кадров» в динамическом восприятии архитектурной среды в новых районах города не всегда имела логические связующие части. Сложившиеся центральные улицы в этом смысле представляли собой более заверченный и целостный вид. Конечно, понятие «санитарные нормы» – это важный постулат в строительстве, но чрезмерные разрывы между архитектурными доминантами и связующими их звеньями не могут не раздражать восприятие. Кстати, подобное явление было характерно для советской архитектуры прежде всего в освоении новых земель, что отмечалось теоретиками «музыки застывшего камня». К тому же границы Алматы постоянно увеличивались и кварталы из окраин с крайне невыразительной одноэтажной застройкой оказывались в ее пределах.

К позднему советскому времени общее состояние экономики уже известно, тем не менее этот период для Алматы, благодаря Д. А. Кунаеву, оказался весьма продуктивным: появились объекты, которые стали фигурировать в сознании масс как еще одно «собственное лицо города».

Конечно, здесь следует отметить и критический взгляд горожан на советский и мировой опыт зодчества модернизма и постмодернизма. В начале XX в. в связи с появлением новых материалов и новых конструктивных возможностей возникла и новая система решения объемно-пространственных задач в городской среде, тектоника архитектурной формы реализуется с принципиально иных позиций. То есть возникла иная система гармонии. И при этом мы знаем, что во все времена архитектору и конструктору сложно было предвидеть только на уровне идеи и проектирования, как форма «поведет себя» в пространстве в случае реализации. Тем более, что в отличие от всей предыдущей мировой архитектурной практики масштабы городской среды увеличились многократно. Несмотря на это, адаптационный период уже был пройден и многие объекты получили признание.

Все отмеченное свойственно и нынешним реалиям, когда после обретения Независимости страны начался третий период застройки города. И он характеризуется самым бурным строительством, в котором принимают участие как свои архитекторы, так и иностранные компании. Облик города стремительно меняется, все больше покрываясь стеклом и металлом, хотя стилистика хай-тек захватывает преимущественно южные районы города (проспект аль-Фараби).

Оказалось, что население «устало» от унылого серого цвета бетона (когда он в избытке, это вполне естественно) и в очередной раз наблюдается общий всплеск интереса к изысканной эстетике фасадов (и прежде всего жилых домов). Безликость панельного строительства советской эпохи, несмотря на решение

больших социальных задач, никак уже не может удовлетворить возросшие требования к эстетическим запросам общества. Одним из основных стилевых направлений в данном случае становится неомодерн с его эклектикой и многообразием заимствований из арсенала мировой истории архитектуры. Выражается это в обилии в строительстве Алматы объектов в разных стилевых направлениях от неоренессанса, неоклассицизма, необарокко, вплоть до использования образа Луксора. Такая всеядность вроде бы в духе постмодернизма современной культуры. Но в настоящее время архитектурное проектирование предлагает самые невероятные композиционные решения, которые требуют смелости и готовности заказчиков (и населения) принять их.

Самым примечательным является непосредственное присутствие ведущих мировых архитектурных школ в Алматы и в Астане. Они вносят в стилистическую многоголосицу последние достижения современной архитектурной практики. Вряд ли собственными отечественными силами можно было бы столь быстро прорвать образовавшуюся брешь в данном вопросе, поскольку советские мастера не имели возможности воочию увидеть и тем более применить в своей деятельности все новые веяния времени. В условиях нашей страны вопрос затрагивает и очень серьезную проблему качества строительства.

Трансформации, происходящие на глазах, часто звучат в полный диссонанс с прежним опытом пространственной организации городской среды, возникают иные масштабные связи между объектами, уничтожаются или «скрываются» под «реконструкцией» старые верненские и советские

объекты. Такие понятия архитектурной композиции, как «масса», «фактура», «пространство» изменились в своих параметрах. Например, появление высоток не идет ни в какое сравнение с прошлой «умеренной» практикой строительства в данном вопросе. Тем не менее комфортабельность городской среды является одной из движущих сил в зодчестве с начала двухтысячных годов.

На таком фоне динамичной перестройки города столь же динамично изменилось и само население. Молодое поколение за комфорт во всех отношениях, ностальгия не покидает воспоминания старожилов, для которых новые масштабы города уже чужеродны. Говорить об адаптации на данном моменте сложно, поскольку новые стеклянно-железобетонные плоскости архитектуры визуалью еще не всеми «обжиты». Но те объекты, где есть стилистическое единство (район «Есентай-парка», архитектурная компания Skidmore, Owings & Merrill, США), горожане уже воспринимают как идентичную часть городской среды.

Интернациональность стилистики современной архитектуры Алматы теперь также воспринимается как вызов времени, когда славу и стране, и городу могут принести футуристические постройки с использованием новейших технологий. Однако для действительно ультрасовременных объектов требуются огромные вложения, что пока сомнительно. Но возникновение больших торгово-развлекательных комплексов в Алматы – это уже реальность. Эти объекты («Есентай-парк», «Мега-центр» и др.) внесли свои коррективы уже сейчас, в них собирается масса людей с целью проведения культурного досуга, а не только с целью рядовых

покупок. Продуманная эстетика и комфортабельность среды, в которой нет никакого сравнения с советскими традициями торговли и общепита, не могли не прийтись по вкусу. Среда меняет людей, они становятся все более разборчивыми и требовательными к комфорту. И это уже другие люди, век технологий создал глубоко интегрированный мир со всеми достоинствами и недостатками. Таким образом, архитектура Алматы за небольшой по мировым оценкам период своего существования динамично

изменяется. В трансформации сознания человека, и бывшегономада в частности, наряду со всеми другими насильственными методами, средовое пространство города сыграло свою роль. Адаптационный период преодолен уже в середине XX в., когда вестернизация страны получила полномасштабный характер. Казахи, в недавнем прошлом номады, полностью включились в новую для них культурную среду и являются сейчас носителями уже иного менталитета, лишь на генном уровне неся номадические коды сознания.

Список литературы:

1. Линч К. Образ города. М.: Мир, 1974.
2. Азимов И. М., Куспангалиев Б. У. История архитектуры Казахстана (главные архитекторы города Верного – Алма-Ата – Алматы). Учебное пособие. Алматы, 2016, 84 с.
3. Из собраний Проскурина В. Персоналии. Жизнь замечательных людей. Регель. 2013.
4. Абрасилова Г. С. Феномен сада в пространственной культуре Востока. Хабаршы. Научный журнал, Алматы, КазГАСА, 2010, №1/35, стр. 6–9.
5. Волчак Ю. П., Иванова Е. К., Кацнельсон Р. А. Конструкции и форма в советской архитектуре. М., 1988, 263 с.
6. Гуляницкий Н. Ф. История архитектуры. Том 1. Архитектура гражданских и промышленных зданий (в 5 томах). М.: Стройиздат, 1978, стр. 236.
7. Рябушин А. В. Новые горизонты архитектурного творчества 1970-1980-е годы. М.: Стройиздат, 1990, 325 с.
8. Рябушин А. В. Архитектура рубежа тысячелетий. М.: XXI век, 2005, 287
9. Панова Л. П. Системность архитектурной среды. 2010, Харьков, 236 с.
10. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: Комкнига, 2006. 352 с.
11. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. М.: Арх, 2004, 400 с.
12. Дуцев М. В. Современный город как пространство диалога // НИИТИАГ Современная архитектура мира. Выпуск № 2, 2012. С. 221–244.

АЛМАТЫ АРХИТЕКТУРАСЫ ЖӘНЕ БІРТЕКТІЛІК МӘСЕЛЕЛЕРІ

Труспекова Халима Хамитқызы

өнертану кандидаты, Т. Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық өнер академиясы кафедрасының доценті, Қазақстан, Алматы, E-mail: Khalima.17@mail.ru

Аңдатпа

Қалалық орта – қазіргі заманғы қоғам дамуының векторы. Адам өз төл туындысының әлеміне енген сайын табиғи әлемнен алыстай бастайды. Ал қоршаған орта – адамның жан-жақты қалыптасуының негізгі факторы. Жеке тұлғаның біртектілігі болсын, халықтың біртектілігі болсын, олар көп жағдайда өзінің бастапқы негізінен қаланады.

Қазіргі жағдайда Алматы қаласының архитектуралық келбеті қазақ ұлтының архитектура жайындағы санасын өзгеруде үлкен рөл атқарды. Бүгінгі таңда қаланың қалыптасу тарихы мыңжылдықты құраса, сәулет өнерінің даму тарихы XX ғасырдың II жартысынан бастау алады деп есептеледі. Бір жарым ғасыр ішінде Алматы өзіне барлық уақыт белгілерін сіңіре білді. Ол уақыт пен кеңістіктің, ел басшылығы амбициясының «үлкен серпіліс» жағдайын, құрылыс артықшылықтары мен кемшіліктерін толығымен көрсетіп берді.

Мақала мәтінде тарихтың түрлі кезеңдеріндегі қала келбеті, сәулет өнері дәстүрінің мәселелері қарастырылды. Сонымен қоса, адамның эмоционалдық – интеллектуалдық күйіне әсер ететін қалалық ортаның жалпы өзгеру векторларын зерттеу барысы баяндалады.

Тірек сөздер: сәулет, дәстүр, қазақ, Алматы, біртектілік.

ALMATY ARCHITECTURE AND IDENTITY ISSUES

Khalima Truspekova

candidate of art studies, associate professor at the T. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Kazakhstan, Almaty. E-mail: Khalima.17@mail.ru.

Abstract

Urban environment is a vector of development of modern society in general. Man is increasingly getting out of the natural world into the world of his own creations, and environment is the main factor of his formation in all respects. The identification of both the individual and the people is built largely from its initial position.

In this case, the architectural appearance of the city of Almaty has played a great role in the transcoding of the Kazakh nation consciousness.

While the city history today makes up a millennium, the history of its architecture is counted from the second half of the twentieth century. For one and half a century Almaty has been absorbing all the signs of the times, and fully reflected the situation of "great leaps" in space and time, and the ambitions of the country's leadership, reflected the advantages and shortcomings of its construction.

The article examines the architectural image of the city in different periods of its history, the problem of tradition in architecture, and overlooks the general vector of urban environmental changes affecting the emotional and intellectual state of a person.

Keywords: architecture, traditions, Kazakh, Almaty, identity.